

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Мститель с того света

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Мститель с того света

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Мститель с того света / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2017 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-96870-1

Полковник МУРа Лев Гуров неожиданно получает анонимное приглашение пройти квест с символичным названием «Жизнь». Отказаться или проиграть нельзя: по правилам квеста, в этом случае погибнет невиновный человек. Гуров принимает вызов и подключает к поиску кровавого «режиссера» своего соратника полковника Крячко. Вместе они проверяют всех, кто может мстить лично Гурову. Круг потенциальных убийц стремительно сужается. Наступает момент, когда в списке оперативников остается всего один подозреваемый. Но неожиданно выясняется, что он давно умер. Сыщики спешат лично убедиться в этом. Именно на кладбище они и находят последнюю подсказку в этой страшной игре...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96870-1

© Леонов Н. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Леонов, Алексей Макеев

Мститель с того света

© Макеев А., 2017
© ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Мужчина постоял в темноте, прислушиваясь к звукам маленького двора. Старенький двухэтажный дом на окраине Москвы. Люди, которые в нем жили, знали друг друга десятилетиями, потому что у живущих здесь нет и никогда не было шансов переехать в престижный район, в элитное жилье. У них есть шанс покинуть этот дом, который еще лет двадцать назад признали аварийным жильем, но переедут они все равно в убогое серое жилище, все так же далекое от благ цивилизации, от красивой столицы, какой ее привыкли видеть по Первому каналу Центрального телевидения миллионы людей.

Человек, стоявший сейчас за разросшимся кустом сирени, знал хорошо этот запах. Запах неустроенности, запах безнадежности, безысходности. Когда люди милятся с привычным течением жизни, который их не устраивает, всегда приходит этот запах нищеты, запустения, грязной одежды, несвежего белья потных тел...

В доме где-то играла музыка, бившая по мозгам высокими частотами, орали друг на друга хриплый мужской и визгливый женский голоса. Мужчина еще раз осмотрелся и двинулся к входной двери крайнего левого подъезда. Скрипучие деревянные ступени, расшатанные, захваченные до черноты деревянные перила. На втором этаже он решительно повернул направо. Вот и дверь под номером 12. Закрыта не плотно.

Геннадий Фролов опрокинул в рот остатки водки, сунул следом несвежий помидор и шумно выдохнул, продолжая жевать. По жилам потекло тепло и успокоение. Начавшаяся опять дрожь постепенно улеглась, сосуды расширились, и мир снова стал приходить в норму, со своими звуками и красками. Даже боли в области живота поутихли. Фролов лег на кровать, закрыл глаза и блаженно приготовился опуститься в сон. Но вдруг входная дверь его комнаты распахнулась. Кого черт принес! Васька, сволочь!.. Опять в долг пришел просить налить ему «стаканчик».

Фролов приподнял голову, повел мутными глазами, и дрема мгновенно улетучилась. В комнате стоял незнакомый мужчина, старательно закрывавший за собой входную дверь. Невысокий, худой, с костистым носом и неопрятной щетиной на лице. Что-то в его облике мерещилось знакомое. Или просто в незнакомце Фролов безошибочно узнал своего брата-«сидельца».

– Тебе че? – вяло спросил он.

– Фрол, не узнаешь, что ли? – оскалился незнакомец длинными неровными зубами. – Во как! Откинулся и сразу забывать начал тех, с кем на соседней шконке спал.

– Ты... этот? – наморщил лоб Фролов, судорожно пытаясь вспомнить этого человека. Вроде и правда сидели вместе... где-то.

У него за спиной были две судимости, а значит, две колонии. Первая «ходка» «на пятерик», а второй раз на семь лет. Сколько прошло лиц в его отряде. А когда все стригены на один манер, да в одинаковых черных спецухах, тогда кажется, что все зэки на одно лицо.

– Костыль я, – улыбнулся гость. – Забыл, наверное, меня. Да и как не забыть, когда столько лет прошло. Не пригласишь старого кореша к столу?

Фролов наморщил лоб и тут же осознал наконец, что все еще полулежит на кровати, а его гость стоит посреди комнаты и озирается с усмешкой. Ишь, с неудовольствием подумал он, приперся, к столу его сажай. Тут, может, помереть хочется поскорее, а не с ним из пустого в порожнее перегонять. Однако сознание ворчало, а тело стало подниматься с кровати. Тело помнило, что если ты сидел с человеком, то он тебе ближе любого родственника.

– Проходи, Костыль, – кивнул Фролов, подходя с кряхтением к столу и смахивая рукавом рубашки крошки прямо на пол. – Ты, это, извини, только у меня тут очень с этим...

— Да вижу, Фрол, чего ты тусуешься, — засмеялся гость и поставил на стол сумку, до этого оттягивающую ему плечо. — Я не с пустыми руками. Найдется чем вспрыснуть встречу и чем закусить. Старым корешам есть о чем побазарить.

И когда на столе появились три бутылки водки, когда легли на него пакетики с ветчиной, полукопченой колбасой, помидорами, то слова «старые кореша» сразу перестали вызывать у Фролова раздражение. А Костыль, или как там его, начал умело накрывать на стол, доставая без спроса из шкафа тарелки, вилки, стаканы. Через несколько минут в стаканы полилась водка, и завязался душевный разговор о тех годах, когда они вместе «топтали зону», о темных ночах и колючей проволоке, отделявшей их от свободы. Костыль все подливал и подливал хозяину. Не помногу, а так, чтобы на дне стакана что-то бульхалось.

— Слушай, Фрол, дело к тебе есть одно, — вдруг стал он серьезным.

Фролов разлепил начавшие слипаться веки и внимательно посмотрел на Костыля. Или постарался посмотреть внимательно. Обычное дело. Так разговоры и начинаются, когда к тебе заявляются вдруг старые кореша, с кем в одной зоне «чалился». Предложения всякие делают, с просьбами обращаются. Это уж как водится. Или отсидеться просит человек, или пристроить безделушки какие-нибудь.

— О чем базар, — дернулся он щекой. — Хата на несколько дней нужна? Валяй. Скажу, если что, не знаю, мол, и не помню такого. Пришел, попросил комнату сдать, и всякий участковый поверит. Я же нищий, Костыль, голодранец. Ты думаешь, чего я тут гнию? А я гнию. Мне, может, жить осталось всего ничего. Рак у меня, понимаешь… хотя откуда тебе понять?

Лицо гостя дернулось в какой-то недобной усмешке. Он откинулся на спинку расшатанного стула и сунул в рот спичку.

— Нет, Фрол, жить я у тебя не буду. Дело в другом. Мне нужно спрятать кое-что у тебя. До поры до времени.

— Рыжья¹ небось наковыряли, — понимающе кивнул Фролов. — Нет, с этим даже не подходи. Мне с «уголовкой» дел иметь ни к чему. Мне помереть спокойно хочется. Дома… в постели… а не на вонючей шконке в лагерном лазарете.

— Дурак, — многозначительно зашипел его гость. — А я тебе что предлагаю? Я тебе предлагаю остаток жизни прожить как белому человеку. Хочешь, так в клинике, а не хочешь, так в своем доме на берегу озера. Как душа твоя пожелает…

Костыль говорил странные слова. Они смущали Фролова, его опьяневшее сознание, но и благодаря алкоголю проникали глубоко, в самую душу.

— У тебя ведь дочь есть. Я помню, ты в зоне как-то рассказывал.

— Я?

— Ты, ты, — небрежно отмахнулся гость. — Катюхой ее зовут. Она ведь взрослая у тебя, ей жить да жить. А без денег много она наживет?

— Она зваться со мной не хочет, — пригорюнился Фролов. — Я для нее не отец…

— Два раза дурак, — убежденно проговорил Костыль. — Как увидит столько денег, она же все простит, когда и на квартиру с молодым мужем хватит, и на дорогую иномарку. Эх, какая жизнь у них начнется! Не то что у нас с тобой. А хочешь, так можно и анонимно им деньги передать. Мол, наследство, а от кого и неважно. А когда они увидят, сколько там бабла…

— Ты про какие деньги мне все талдычишь, а, Костыль? — Фролов с тоской посмотрел в глаза гостю.

— Так это же плата за услугу, понимаешь ты, дурья башка! — засмеялся Костыль. — Ты сумочку одну в тайном месте спрячь, а тебе с этой услуги десятую часть. Мне не жалко для старого кореша. Я бы и больше дал, но не все там мое, пойми. А десятая часть — это пять

¹ Рыжье (жарг.) — золото, золотые украшения. Изделия из золота.

«лямов». Ты только спрячь, ведь никто и не узнает. Никто не видел, как я к тебе пришел, никто не увидит, как я тихонько уйду. Верняк ведь, Фрол!

– Пя-ать? – удивленно прошептал Фролов.

– Пять, пять, – похлопал его по руке Костыль. – Возьмешь, и тут же я тебе отсчитаю пачечками. Десять пачечек по сто купюр. И купюры все красные, пятитысячные. Они много места не займут. Но сколько ты дочке сможешь на них сделать, а? Ты только придумай, где сумочку мою ценную спрятать. Может, гараж у тебя есть или сарай? А может, дача за городом?

– Погреб, – загорелся идеей внезапного обогащения Фролов. – У меня в сарае погреб. Там под ящиками, под стеллажами можно спрятать. А нет… лучше в пакет и в песок. У меня там песок в углу, я на нем, бывало, морковку и свеколку на зиму складывал. Заготовки делал.

– Молоток, Фрол! – восхитился гость. – А я думал, все, пропил мозги, а ты вон как соображаешь. Не голова, а Дом советов!

– Так, может, прямо сейчас? – с видом заговорщика спросил Фролов.

– Давай, – охотно согласился Костыль. – Только сделаем так. Чтобы нас с тобой никто не видел, ты один пойдешь в свой сарай. Я тебе вот пакет дам. – И вытащил из своей наплечной сумки пакет, весь опутанный скотчем.

Он был увесистый, что заставило Фролова с уважением взять его в руки и осторожно положить перед собой на стол. Видать, ребята ювелирный взяли. Это правильно, теперь рыжье отлежаться должно, потому как его искать будут по всем скупкам, на всех выездах из города.

– А вот это твой гонорар. – Костыль вытащил из сумки еще один пакет и стал вынимать из него пачки денег, обернутые банковской лентой. – Десять пачек по пятьсот тысяч. Ты их тоже спрячь где-нибудь в погребе до поры до времени. Нечего им дома валяться. Утрясется все маленько, потом хлоп, и подарок дочке на стол! Солидно, а?

Фролов толком не слушал гостя. Он уже и не думал о том, что не помнил этого человека, этой клички. Мысль перед смертью помириться с дочерью полностью овладела им. И не просто помириться, но еще и обеспечить ей начало семейной жизни. У Фролова аж дух захватило от свалившегося на него счастья. Теперь и умирать не так страшно. А Костыль уже стоял на ногах и подталкивал хозяина дома под локоть, торопя его сходить в погреб и спрятать богатство.

В ночном коридоре никого не было. Даже ругань улеглась у пьяниц-соседей. То ли уснули, то ли перепились, то ли ушли еще искать. Фролов, вдругпротрезвев и начав мыслить четко и правильно, как ему казалось, торопливо прошел к общей лестнице и задержался возле нее. Внизу голосов не слыхать. Надо спуститься и, не выходя на улицу, снова послушать. Может, на лавке кто сидит.

Со всеми мыслимыми и немыслимыми предосторожностями он наконец добрался до своего сарая, ютившегося в общей массе покосившихся и обветшавших деревянных и кирпичных строений чуть в сторонке от дома под старыми тополями. Тут было темно, и Фролова это устраивало. Зажимая ногами пакет, поставленный на землю, он на ощупь пытался открыть ржавый навесной замок. Сколько он его не открывал, год, два? А вот и пригодился.

Дверь пришлось не просто открывать, а приподнимать и относить в сторону, поворачивая ее на одной верхней петле. Темно, но Фролов знал каждый метр своего сарая, каждую кучу хлама в нем. И все же он пожалел, что не догадался фонарь взять, спички или свечу. Как же в погребе без огня?

Вдруг луч света небольшого фонаря лизнул стену возле открытого люка погреба, и Фролов, вздрогнув, ухватился за стену. К нему медленно подходил улыбающийся Костыль. И дверь сарая он не забыл закрыть. Хорошая дверь, фанерой изнутри обита, жалко только, что гвозди на нижней петле повыскакивали…

– Помочь тебе решил, Фрол, – заговорил Костыль, подходя к Фролову и присаживаясь рядом с погребом на корточки. – Ты же без огня пошел. Я и думаю, как он там в темноте, дай схожу, фонарь ему принесу, не упал бы.

Сомнения зашевелились в голове Фролова. Вся его жизнь была чередой лжи, хитрости, афер, краж и снова лжи. Не верил он людям, в крови у него уже недоверие к доброте. Но Костыль как будто понял его и тихо засмеялся:

– Я с тобой не полезу, а то подумаешь еще, что я хочу подглядеть, куда ты деньги спрячешь. Просто беспокоюсь, чтобы ты не покалечился. А то кто же сохранит мой клад? Ты спускайся, а я наверху покараулю.

Фролов успокоился. Это нормально, что Костыль ему не верил, что беспокоился в первую очередь за свои драгоценности. Это нормально в уголовной среде. Он взял фонарь и стал спускаться по старой проржавевшей лестнице, сваренной еще лет сорок назад прежним хозяином погреба и этого сарая. С двумя пакетами и фонариком в руках спускаться было неудобно, и в какой-то момент Фролов остановился на ступеньках, придерживаясь за лестницу лишь локтем и пытаясь перехватить руки.

И тут рядом почему-то оказалась нога в ботинке. Толчок в плечо, и Фролов, мгновенно потеряв равновесие, полетел спиной вниз. Его больное тело и мозг, пропитанный алкоголем, утратили способность группироваться, и он упал на спину, сильно ударившись головой о кирпичи, которыми была отгорожена куча песка с высохшими свекольными хвостиками.

Со стоном шевелясь и пытаясь освободить руку, чтобы схватиться за разбитую голову, Фролов увидел, что Костыль ловко спустился в погреб и присел рядом с ним. Жесткие руки уголовника схватили его за больную несчастную голову и, приподняв, с силой ударили ею о кирпичи. Дикая боль расколола череп, но второй удар затылком о кирпич опрокинул мир в черноту.

Костыль поднялся и отряхнул руки. Фролов лежал на спине в том же положении, в котором и упал с лестницы. Вот только один из пакетов порвался, и на полвысыпалась пачки денег. На одной даже порвалась банковская лента, и под ногами Костыля валялись две купюры по 5 тысяч и стопка бумаги, выкрашенная в цвет 5-тысячных купюр. Сунув развалившуюся «куклу» в пакет, Костыль осмотрелся, чтобы убедиться, что не оставил следов на полу, потом подхватил пакет с «драгоценностями», фонарик и полез наверх.

В сарае он подошел к двери, выключил фонарь и долго стоял, прислушиваясь. Потом неслышно стал отодвигать дверь. Двор был пуст и безмолвен. Только листья тополей слегка шевелились в ночи. Костыль вышел из сарая и плотно прикрыл дверь. Через минуту, двигаясь темными переулками по заранее продуманному маршруту, он вышел к пустырю...

* * *

В любой организации проводимая утром в пятницу планерка отличается от аналогичной, проводимой в понедельник утром. Даже если эта планерка в Главном управлении уголовного розыска МВД страны. Гуров шел в кабинет генерала Орлова рядом со своим старым другом и напарником полковником Крячко и раскланивался с коллегами. Большинство офицеров выглядели более оживленными, чем вчера. Кто-то уже готовился к поездке за город, кто-то вообще с понедельника уходил в отпуск. В любом случае напряженная неделя позади, и каждый час рабочего времени пятницы приближал к заслуженному отдыху. Крячко был мрачен и неразговорчив. После суток дежурства, во время которого ему не удалось сомкнуть глаз, он чувствовал себя разбитым и раздраженным. Стареет старый друг, с улыбкой подумал Гуров, глядя на него. Раньше и усталость ему была нипочем, и бессонные ночи.

Не очень веселы были и те, кого ждало дежурство в эти выходные. Гуров сочувственно кивал, пожимал руки, и наконец собравшийся поток старших офицеров главка уперся в дверь кабинета Орлова. Пока все рассаживались, Лев наклонился к другу:

– Станислав, у тебя какие планы на воскресенье, кроме как отоспаться?

– Еще раз отоспаться, – меланхолично ответил Крячко и прикрыл рот, который раздирава зевота, рукой.

– Товарищи офицеры! – прозвучало в кабинете, и все шумно, но быстро поднялись со своих мест.

– Прошу садиться, – кивком разрешил Орлов, занимая место во главе длинного стола для совещаний.

И началось знакомое и привычное за долгие годы службы. Когда Гуров работал в МУРе, вопросы ежедневной планерки касались только Москвы и только тяжких преступлений, которыми занималось ГУВД Москвы. Теперь же вопросы ставились шире, и информации проходило на порядок больше. Особо тяжкие по стране, оперативная обстановка по областным и краевым центрам за сутки, дела на контроле главка, отчеты о проделанной работе. Потом следовали новые дела, поручения, план командировок, методические вопросы, вскрытые недостатки в работе подразделений уголовного розыска, пути и методы решения.

Гуров привычно впитывал информацию, поглядывая в окно кабинета. Лето, солнце уже высоко, вовсю жарит крыши многоэтажек. Маша на гастроли едет только в августе. А в воскресенье артистическая пирюшка на природе, и надо как-то уговорить ребят. Тяжелы стали на подъем старые друзья, хотя чуть ли не раз в неделю то один, то другой заводят разговор, что стали редко видеться вне службы и нет возможности посидеть просто за пивком или водочкой вечерком на природе. А как бывало раньше. И Петр, и Станислав с удовольствием приходили на открытие сезона, на премьеры в театр. И на даче у Петра часто сиживали, вдыхая умопомрачительные ароматы со стороны мангала. И разговоры, воспоминания…

– Все, – подвел итог Орлов, собирая со стола стопку бумаги. – Планерка окончена, прошу всех приступить к работе.

Гуров дернулся за рукав пытавшегося подняться Крячко и откинулся на спинку кресла, ожидая, когда офицеры управления покинут кабинет. Орлов заметил это и тоже остался сидеть.

– Что, Лев? – спросил он после того, как все вышли и они остались втроем.

– Да вот… хотел… – Гуров покрутил неопределенно в воздухе пятерней.

Орлов посмотрел на него, потом на сонного Крячко и улыбнулся. Редкое зрелище увидеть знаменитого сыщика полковника Гурова смущенным, а старого друга, матерого полковника Крячко усталым и хмурым. Да, многим в диковинку. Но Петр Николаевич Орлов, познакомившийся и с Гуровым, и с Крячко еще во время работы в МУРе, частенько видел сыщиков и другими. Многое их связывало, очень многое.

– А можно без театральных жестов? – с улыбкой поинтересовался он. – Я понимаю, что семейная жизнь наложила неизгладимые отпечатки, и все такое…

– Можно, – с готовностью кивнул Гуров. – Но я же должен вас как-то морально подготовить.

– Морально-то я готов, – изрек Крячко, – а вот физически… Сейчас я с большим удовольствием очутился бы в объятиях не вакханки, а Морфея.

– Я не про сейчас. Я про воскресенье.

– А что намечается? – спросил Орлов и задумчиво подпер кулаком подбородок.

– Мария с близкими подругами и кое с кем из руководства театра собираются отметить победу на Фестивале современного театрального искусства.

– Ты же говорил, что они заняли третье место? – оживился Крячко.

– Ну, так третье же все равно призовое.

– Везет вам, – вздохнул Орлов. – А мне в субботу вечером в Питер улетать с руководством.

– Ты генерал, такая твоя планида, – устало улыбнулся Крячко. – Придется мне одному поддержать старого друга в тяжелую минуту.

– Да, – снова вздохнул Орлов. – Давненько мы не собирались. Чтобы вот так, по-простому.

– Ну, там по-простому не будет, – пожал плечами Лев. – Хотя вы со Станиславом практически всех знаете.

– И Красовская будет? – блеснул глазами Крячко.

– Ага, с мужем.

– Ну, это нам фиолетово, – смущаясь Станислав. – Главное, что мы услышим ее волшебный голос.

– Ты вот что, Лева. – Орлов стал серьезным, посмотрел с неудовольствием на часы и тяжело поднялся из-за стола. – Давай-ка я Маше сам позвоню сегодня вечерком. Извинюсь, покажусь, пообещаю! Я же понимаю, что она тебя пилить начнет, что от друзей отходишь, сам никуда идти не хочешь.

– Она пилить не умеет, – улыбнулся Гуров.

– А еще Льву Ивановичу самому неудобно, – заявил Крячко. – Ведь он там один-одинешенек будет из настоящих полковников. Остальные, которые мужского пола, все больше люди артистические, гламурные, с эдаким мечтательным налетом в повседневном образе и взором, устремленным… э-э… в даль. Ему же там не то что поговорить, за руку поздороваться не с кем.

– Ну, это ты зря, – покачал головой Лев. – Ты же знаешь, что и среди актеров есть настоящие мужики. Ну, так на кого мне рассчитывать?

– На него, – ткнул карандашом в сторону Крячко Орлов. – А я осуществляю моральную поддержку по телефону.

* * *

Турбаза «Лагуна» в Пелееве оказалась местом удивительно тихим и уютным. Беседки вместимостью на 10–12 человек были разбросаны по берегу между раскидистыми ивами. От каждой к песчаному пляжу и наверх, к домикам и административному зданию, вели аккуратные деревянные дорожки с перилами. Каждая беседка имела свой собственный стационарный мангаль, дополнительные столики для приготовления пищи, а рядом даже кабинки для переодевания.

Компания на турбазе собралась к 11 утра с сумками и повалила к берегу веселой гурьбой. Гуров знал почти всех в лицо, за исключением кого-то из администрации театра и двух мужчин из управления культуры. Чувствовалось, что сегодня коллектив не очень теплый, что многое здесь людей, без которых было бы спокойнее и приятнее за столом. Мария как будто поняла настроение мужа и шепнула ему на ухо, когда они ставили сумки с едой и напитками на стол возле мангала:

– Понимаешь, сегодня что-то вроде обязательной программы. Многие считают, что победа в конкурсе – это их заслуга, а переубеждать их не совсем дипломатично. И небезопасно.

– И здесь политика, – вздохнул Лев и посмотрел в сторону домиков. Крячко что-то задерживался.

Неудивительно, что и за столом сразу наметилось какое-то расслоение. Один из молодых режиссеров, несколько актрис, с которыми Гуров не был лично знаком, и чиновники из управления культуры оказались в одной его части, и разговоры у них пошли на свои темы. Старая же компания, которую Лев хорошо знал и в которой чувствовал себя своим, сплотилась вокруг Марии и ее подруги Анны Красовской. Красовская сегодня пришла с мужем – архитектором. Высокий, немного сутулый, в очках с тонкой оправой и светлыми непослушными волосами, Иван Красовский напоминал аиста. Особенно когда вставал и тянулся через стол за бутылкой или к тарелке с закусками.

Крячко появился весьма эффектно и в самый подходящий момент – когда компания чиновников и близких к ним актрис отправилась кататься на лодках. В яркой летней рубашке навыпуск, в дорогих светлых ботинках, он спустился к беседке с таким темпераментом, что на него невольно засмотрелись все дамы. Станислав нес в одной руке букет алых роз, в другой корзинку, очень трогательно накрытую женской косынкой с кистями.

– Друзья, прошу прощения за опоздание, – громогласно возвестил он, картинно разводя руки с цветами и корзинкой. – Но я готов искупить свою вину.

Женщины переглянулись с многозначительной улыбкой, потому что никто не сомневался, кому предназначены цветы. В театре давно уже перестали шутить на тему о том, что настоящие мужчины и настоящие полковники перевелись в целом, но остались в окружении Марии Строевой, чьим мужем имел счастье быть полковник Гуров.

Крячко деликатно припал к ручке Марии, был удостоен благосклонной улыбки и легкого касания пальцами головы. Пожав руку Гурову, он весьма эффектно смахнул с корзинки платок, и все увидели шесть горлышек настоящего «шардоне». Гуров улыбнулся. Крячко сейчас был близок в своем образе к тому, чтобы извлечь саблю и клинком сбить пробку с бутылки. Хотя пробки гусары сбивали не у вина, а у шампанского, а потом, окатывая стол и дам пеной, поспешно разливали его по бокалам.

Но сабли не было. И «шардоне» – это белое вино. Мужчины быстро справились с осталыми бутылками, разлили вино по бокалам, и Крячко начал говорить свой тост. Делал он это красиво и умно. Очень искренне и тепло говорил и о театре, и об актерах, и о вечных ценностях. В общем получилось неплохо, и все с удовольствием выпили. Потом появилась гитара, и мужчины с шумом стали просить Красовскую спеть какой-нибудь романс из своего репертуара. Актриса заулыбалась, потом хитро посмотрела на обоих полковников и произнесла:

– Хорошо, я спою, но при одном условии – если господа полковники не откажут даме в одной безобидной просьбе.

– Мадам! – Крячко мгновенно поднялся и, не выходя из образа, с готовностью щелкнул несуществующими каблуками со шпорами и боднул головой воздух. – Всегда к вашим услугам! Если только вы не заставите нас изменить своему долгу офицера, присяге Родине и если от этого не пострадает честь дамы.

Орел, подумал Гуров с усмешкой. Под такие условия можно подтянуть все что угодно. Анна Красовская запела один из самых красивых и романтичных романсов своего репертуара – «Кавалергард, мой милый». Потом «Возьми в ладонь мою печаль», а в завершение они с Марией дуэтом исполнили романс «Шепчутся свечи на полке каминной». Коллеги зааплодировали и предложили снова поднять бокалы.

– Так вот, о моей просьбе, – подсела к Марии и Гурову Красовская.

Лев подозрительно посмотрел на свою жену, которая как-то странно прыснула. Крячко тоже покосился на нее, но с мужественным видом подошел к дамам.

– Видите ли, ребята, – сразу стала серьезной Красовская. – Я хотела вас попросить вот о чем. Вам будет не трудно, ведь вы сыщики, люди искушенные в такого рода головоломках. Да и развлечение какое-никакое. Отдохнете от службы.

– Так о чем вы просите? – решил поторопить актрису Гуров, снова подозрительно покосившись на улыбающуюся жену.

– Иван, – Красовская посмотрела в сторону своего подвыпившего мужа, который что-то объяснял актрисам, активно жестикулируя руками и помогая себе мимикой, – Иван выиграл сертификат на прохождение квеста. Но вы сами понимаете, что он человек специфических знаний, привычек и образа жизни. Да и профессия у него, так сказать, далека от темы квеста.

– Аня, прости, – перебил ее Гуров, – я не понял. Сертификат на что? Квест?

– Я объясню, – вздохнул Крячко, поняв, куда клонит подруга Марии. – Видишь ли, Лева, уже довольно давно существует такой способ развлечения, который пришел к нам с Запада,

оттуда, где людям в повседневной жизни не хватает адреналина. Называется он квест. Это игра, но очень реалистичная. В зависимости от темы игры, а она всегда имеет за собой реальную историю, имевшую место когда-то и где-то, участники должны пройти сложным маршрутом в сложных условиях, как правило, в помещении. Или, проще говоря, выбраться откуда-то с помощью найденных подсказок и решения определенных головоломок.

– Но… это же игра для подростков, – удивленно протянул Гуров.

– Отнюдь, – развел руками Станислав. – Взрослые дяди и тети с большим удовольствием лезут в эти «страшилки». Тут ведь находчивость нужна, умение мыслить неординарно. Да и адреналин, опять же. Тем более что… хм, бывают квесты, куда детям просто нельзя ходить. Психическая нагрузка великовата для них. Я знаю, что многие подсаживаются на них, как на наркотик, и выискивают новые квесты с новыми темами. А есть люди, которые квесты сочиняют и неплохо на этом зарабатывают. Так-то вот.

– Ну, ладно, это я понял, – кивнул Гуров и снова посмотрел на Красовскую.

– Лев Иванович! – взмолилась актриса. – Я прошу вас сходить на этот квест с Иваном. Вы со Станиславом Васильевичем люди опытные, вы запросто все разгадаете. И он на вашем фоне будет выглядеть более выигрышно. Пожалуйста!

– Ему-то это зачем? – пробормотал Лев. – Тоже адреналина не хватает?

– Ну, мужик мужиком хочет самому себе казаться, – тихо и с сочувствием ответила Красовская. – Он архитектор, востребованный архитектор, у него среда общения, с одной стороны, строители, а с другой-то ведь заказчики. А там зачастую люди своеобразные. И ему общаться с ними приходится, на тусовки подобные ходить. Это часть его работы, часть жизни любого творческого человека. А там квестами хвастают, там по пустыням на квадроциклах ездят, на воздушных шарах летают. Так уж лучше пусть квест, чем кобры в палатках и падающие воздушные шары. Ребята, я прошу вас!

– Правда, Лев, Стас! – включилась Мария. – Это всего лишь на один вечер. Хоть посмотрите, чем нынче продвинутая столица живет. Там полно взрослых людей проходят квесты, так что вы своим видом никого шокировать не будете. У нас вон из труппы почти все мужики уже ходили. Модное развлечение. Ну, я вас тоже прошу!

Гуров вздохнул и посмотрел на Крячко. Станислав с улыбкой только развел руками.

– Что хоть за тема в этом квесте, на который вы нас толкаете?

– Я сейчас. – Красовская встала и поспешила к своему мужу.

Гуров укоризненно посмотрел на смеющуюся жену. Мария очень красиво смеялась. В этот момент она была обворожительна, как-то особенно трогательно-беззащитна. Гуров любил смотреть, как смеется жена. Хотя грустила она тоже очень красиво. И красиво скучала, когда они долго не виделись. Просто я ее очень люблю, подумал Лев и улыбнулся. И что с ней, с проказницей, делать. Ведь знала о том, что Красовская обратится с такой просьбой, точно ведь знала. Знала, но не предупредила. Маша всегда понимала и чувствовала грань, за которой безобидная и веселая шутка или добродушная шалость превращались в нечто оскорбительное, неуместное и глупое. В общем, в просьбе ее подруги ничего страшного и неприличного для двух полковников не было, это приходилось признать.

– Вот. – Красовская подтащила за рукав мужа и усадила на свободный стул. – Расскажи, Иван, что за тема вашего квеста во вторник. Ребята заинтересовались, хотят с тобой сходить.

– Здорово! – искренне обрадовался архитектор. – Вообще супер, что два сыщика со мной там будут. А тема – «Побег из тюрьмы»!

– Что? – опешил Гуров.

– Ну, не настоящая, конечно же, тюрьма, а имитация. Но очень правдоподобная, как говорят. Стилизация под Запад. Там предыстория какая-то. А суть в том, что нужно найти подсказки и выбраться из помещений за два часа. Там хитрые замки, ключи и тому подобное. Говорят, круто!

– М-да, – глубоко вздохнул Лев. – Из тюрьмы я еще не убегал.

Домой в такси ехали молча. Он молчал, глядя в окно, Мария тоже молчала и поглядывала на мужа со скрытой улыбкой. Как же она привыкла к нему за эти годы совместной жизни. По одному взгляду, вздоху, даже вот по такому, казалось бы, спокойному молчанию она понимала больше, чем другие жены после нескольких часов объяснений. Нет, Лев сейчас не дуется, не сердится на легкомысленную жену. Он анализирует, взвешивает, расставляет по полочкам информацию, да и всю ситуацию в целом. В этом весь Гуров. Он всегда работает над ситуацией. И не потому, что зануда, а потому, что перестал бы быть Гуровым без своего способа мышления, оценки.

Маша осторожно, но вполне по-хозяйски положила руку на локоть мужа. Гуров повернулся, мельком глянул на жену и снова окунулся в свои размышления. Маша знала, что сейчас они приедут домой и, несмотря на то что время уже позднее, обязательно включат чайник с синей подсветкой и усядутся под любимым абажуром на кухне. И не будет никаких важных или серьезных разговоров. Это просто ритуал, без которого нет семьи, это их привычка, которая их связывает, делает одним целым. Они поговорят, посмеются, вспомнив что-то веселое, может, съедят по конфетке, выудив их из корзиночки под салфеткой на столе. И все, она пойдет разбирать постель, а Гуров – в душ. День закончен, но заканчиваться он должен обязательно так...

Глава 2

Гуров не рискнул идти сюда в костюме и оделся так, как обычно одевался, скажем, для участия в обследовании местности за городом в рамках какого-нибудь расследования. Мягкие удобные ношеные ботинки, в которых он заведомо не натрет ноги, джинсы, удобная серая куртка, на которой не видна пыль. Как бы там ни было, но Лев любил предвидеть обстоятельства. И если этот дурацкий квест называется «Побег из тюрьмы», значит, надо и одеться близко к теме. Чтобы и на четвереньках, и в окно, и в подпол, если потребуется.

Молодой мужчина серьезного вида инструктировал участников в пустой комнате. Здесь были только две двери. Через одну они вошли, а вторая, железная и со зловещими ржавыми пятнами, видимо, вела в «тюрьму».

– Это была реальная история, – говорил мужчина. – И вам следует ее знать, чтобы проникнуться ситуацией и духом квеста. Заодно это вам поможет ориентироваться и мыслить, как мыслили те люди, которые когда-то оказались в подобной, но вполне реальной ситуации. Итак, тюрьма в небольшом городке. Неподалеку химический завод, на котором произошла техногенная катастрофа. Ядовитое облако движется в сторону городка. Среди населения паника, все поспешно покидают дома и эвакуируются. Но из города можно выбраться только на автомобиле, у кого он есть, или на поезде. Вас в суете и из-за паники забыли, но вы в курсе событий, потому что слышали крики на улице. И вы знаете, что последний поезд отойдет от перрона ровно через два часа пятнадцать минут. Ну, пятнадцать минут – это на то, чтобы добежать от тюрьмы до вокзала, значит, у вас всего два часа на то, чтобы выбраться из камеры. Ровно два часа.

Мужчина смотрел на троих участников и видел, что никто из них квестов не проходил, потому что не было не только обычных торопливых вопросов, не было вообще никаких вопросов. Кажется, будет скучно, подумал он. Запутаются, все забудут и просто просидят бесцельно свое время или начнут просить, чтобы их выпустили, а потом всем будут рассказывать, что квесты – это такая ложа.

– Я вам дам одну подсказку, – продолжил мужчина. – Начинайте с шахматной доски. А уж потом ищите подсказки всюду. Помните, что они могут быть где угодно и что в квестах, как правило, нет бесцельных и случайных вещей. Есть вещи для интерьера, а есть вещи со смыслом. И все время думайте, думайте. Помните о том, какие вещи и предметы остались у вас за спиной, возможно, что вы просто прошли уже мимо подсказки, поэтому и не находите выхода.

– Ну, понятно. Давайте уж начинать, что ли, – предложил Крячко и посмотрел на удивленного Гурова. – Чего ты, Лева? Я вчера почитал про квесты, кое с кем переговорил, кто проходил нечто подобное. Справимся, чего стоять и время терять.

– Ну, гляди, – хмыкнул Гуров. – Тогда пойдешь первым, а я замыкающим. У вас тут, надеюсь, не предполагаются нападения каких-нибудь зомби или химических мутантов, от которых надо защищаться?

– В этом квесте нет, – засмеялся мужчина.

– И на том спасибо, – буркнул Лев и посмотрел на молчавшего и бледного Ивана Красовского. – Начнем, что ли. Раньше сядем – раньше выйдем, как говорят обитатели подобных помещений.

– Ага, – кивнул архитектор и вытер лоб тыльной стороной руки.

Железная дверь открылась, но в дверном проеме ничего, кроме вязкой темноты, не было видно.

– Слушай, Иван, а Красовская – это фамилия Анны, которую она получила от тебя? А я всегда думал, что это красивый псевдоним, – неожиданно проговорил Крячко и шагнул в темноту за дверью.

– Знаете, как в наших кругах шутят? – с показной веселостью сказал архитектор. – Говорят, что Анна вышла за меня ради красивой фамилии, а то у всех псевдонимы, а у нее законная.

Гуров молча подтолкнул его в спину, заставляя переступить порог, и вошел следом. Дверь за спиной немедленно захлопнулась, оставив троицу в непроглядной темноте, в которую снаружи не проникали даже звуки. Крячко явно не стоял на месте, а осторожно перемещался, выставив перед руки. В воздухе пахло немного пылью, немного свежей краской. Затхлости не чувствовалось, значит, помещение изначально все же имело цивилизованное функциональное предназначение. Они приехали к бывшему заводу, а потом их проводили к какому-то зданию, пристроенному к основному административно-лабораторному корпусу. Или бывшие склады, или лаборатория какая-то. И сейчас они находились на втором этаже. Так что Гуров не исключал, что их «побег» может иметь направление и вниз.

– Станислав, не ходил бы ты никуда, – попытался остановить он друга. – Может, свет все же включат.

– А если нет? – зловещим голосом ответил Крячко.

– Да ладно, – усмехнулся Лев, ощущив даже в темноте, как напрягся архитектор. – Нас же предупредили, что начинать надо с шахматной доски. Как мы ее разглядим, если не включат свет?

– Вариантов масса! – оживился в темноте Крячко. – Блин, решетка какая-то толстенная… Варианты есть, Лева. Например, будем идти, пока не трахнемся башками о здоровенную шахматную доску. Или провалимся неожиданно в люк, а там пол раскрашен в виде шахматной доски. Вот и начало!

Свет загорелся неожиданно и беззвучно. Хорошо, что он был не яркий, не ударил по глазам, начавшим привыкать к темноте. Мужчины прищурились и опустили лица, чтобы зрение немного адаптировалось. Справа помещение оказалось разделено почти на две равные половины решеткой от пола до потолка. И если во второй половине комнаты имела вид помещения охраны, каким их рисуют в комиксах, со шкафами, старой шинелью на вешалке и сапогами под ней, старым столом посреди комнаты и другими атрибутами, то сама «камера» имела вид более убогий. Железная кровать с панцирной сеткой, застеленная старым шерстяным одеялом поверх матраца, один расшатанный стол и стул с ободранной спинкой. Шкаф у стены без дверей, а в дальнем углу знаменитая параша, которая произвела на Красовского неизгладимое впечатление.

– Вот, Иван, – кивнул Крячко на унитаз, забранный целиком в тумбу. – Так вот люди и сидят годами.

– Может, делом займемся? – спросил Гуров, присаживаясь возле встроенного шкафа. – Между прочим, здесь на полу лежит шахматная доска, повидавшая на своем веку многое.

– Давай посмотрим, что нам советовали с ней сделать, – оживился Крячко, возвращаясь к столу. – Архитектор, ты в шахматы играешь?

– Тут фигур нет, – потряс сложенную доску Гуров.

Подойдя к столу, он положил доску, раскрыл ее, и она действительно оказалась пустой. Красовский явно приуныл. На его лице было написано, что он представления не имеет, что делать дальше. А еще ему явно подумалось, что, окажись он тут один, то жизнь его тут бы и закончилась. И нашли бы его труп на этой вот кровати спустя годы, приехав дезактивировать территорию после химической аварии.

– Тут дело явно не в фигурах, – склонился над столом Крячко.

– Это точно, – отозвался Гуров, крутя доску на столе. – Смотри, вот покрытие немного отстало. Может, там записка какая-нибудь?

Он осторожно отогнул отставшую фанеру крышки шахматной доски, и Крячко ногтем вытянул оттуда клочок бумаги, сложенный вдвое. Все уставились на листок. Стас аккуратно развернул его, и стало видно одно-единственное слово – «магнит».

– Вариантов много, – развеселился Крячко. – Первый – надо послать гонца в сетевой магазин «Магнит». Выпьем, обмозгнем и дальше двинемся.

– Ключи, – коротко бросил Лев.

– Думаете, что решетка запирается на магнитный замок? – проявил эрудицию Красовский.

– Нет. – Гуров подошел к решетке и показал вниз, под стол. – Видите, там лежит связка ключей. Один, самый большой ключ вполне соответствует типу замка, которым заперта решетка.

– Нужен мощный магнит, чтобы подтянуть их сюда, – вздохнул архитектор. – Наверное, где-то есть выключатель.

– Давайте смотреть, что тут есть еще, – предложил Гуров, простукивая заднюю стенку встроенного шкафа. – Материей обтянуто, а под ней дерево. Доски, наверное.

– Прикроватная тумбочка пустая, – заявил Красовский, выдвигая ящик.

Крячко молча прощупывал постель. Пройдя всю ее руками через одеяло, он стащил его, отбросил на спинку, прощупал подушку и замер.

– Тут что-то есть. На ощупь будто чугунная, я ватных подушек сто лет уже не видел. Раритет, конечно, но в ней что-то есть продолговатое.

Гуров и Красовский подошли и стали смотреть, как Крячко шарит в недрах старой подушки через дырку в ткани. Наконец Станислав извлек на свет ржавый, поцарапанный и чуть погнутый ключ с крестообразными бороздками. Все сразу повернулись к замку на решетке. Нет, все же там была замочная скважина под обычный ключ с двумя «бородками».

– Здесь нет такого замка, – заметил Лев. – Такие замки ставятся на современные железные двери высокого уровня защиты.

– А не зря он имеет форму крестообразной отвертки, – задумчиво проговорил Стас, разглядывая ключ. – И даже вроде бы подпилен немножко. Что здесь можно им отвернуть? Какие винты или шурупы?

– Замок на решетке приварен намертво, – отозвался архитектор. – Стул и стол клееные, без винтов. Кровать тоже сборная и без винтов. При царе Горохе произведена.

– А как рычаг его использовать можно? – Гуров стал осматривать помещение. – Давайте исходить из того, что ключ, образно говоря, – это возможность открывать доступ к чему-то, и не обязательно с помощью открывания замка.

– Шкаф явно только гвоздодером разбирать, – с сомнением сказал Крячко. – Полы бетонные, решетку этими зубчиками не перепилить…

– Унитаз, – перебил его Лев, разглядывая постамент. – Никаких винтов или шурупов я не вижу, но вот небольшая щель и следы какого-то инструмента, который в эту щель совали, есть. Посмотрите.

Все трое присели возле тумбы, Крячко, подсунув ключ в щель, нажал, и, к удивлению всех троих, фанера легко отошла. Он склонился, заглядывая внутрь тумбы, и с довольным видом изрек:

– Есть!

Затем просунул руку внутрь и извлек из тумбы цилиндрический кусок металла, который был подвешен там на бечевке.

– Магнит! – первым догадался Красовский. – Это же магнит. Магнит от обыкновенного старинного акустического динамика, которые у музыкантов в колонках устанавливаются, в выносных колонках музыкальной аппаратуры.

Станислав молча поднялся и, подойдя к кровати, поднес к ней железку. С характерным стуком магнит прилип к стальной ножке кровати, и отодрать его удалось с большим трудом. Гуров посмотрел на ключи за решеткой в другой части комнаты и прикинул расстояние. При мерно метра три. На этой короткой бечевочке его не добротить до ключей. А магнит явно для этого и предназначен. Вот он, путь за пределы камеры. Неужели все так просто? Из-за такого пустяка не стоило и «огород городить». Нет, тут все должно быть сложнее, хотя ключи, видимо, один из этапов игры.

– А как же мы его туда добротим? – спросил Крячко, подумавший о том же. – Точнее, добротить не сложно, сложно вернуть.

– Значит, брючные ремни, – вздохнул Гуров и стал расстегивать ремень на джинсах.

Ремни пришлось застегивать в имеющиеся на них дырочки, потому что связать их не удалось, слишком они жесткие. И из-за этого длины не хватило, примерно около метра. Тогда Гуров стащил с себя куртку. Привязав к одному рукаву ремень, а ко второму бечевку с магнитом, он решил, что теперь длины хватит. Пришлось вставать на колени, просовывать всю эту сложную конструкцию между прутьями решетки и аккуратно складывать на полу уже по ту сторону. Первый бросок не дал результата, но показал, что длины всей «веревки» хватит, если лечь на бок и просунуть за решетку руку.

Лев добровольно взял на себя эту миссию. Еще один бросок не увенчался успехом, но на третий раз магнит перелетел через связку ключей, валявшуюся под столом. Тянуть теперь надо было не на себя, перпендикулярно к решетке, а чуть под углом, чтобы магнит задел связку. Крячко лег на пол правее Гурова, перехватил из его руки «веревку» и стал плавно тянуть. Звякнула металл, и большой железный ключ на связке намертво прилип к магниту.

Все облегченно вздохнули, когда связка заползла в камеру и оказалась в руках Крячко. Станислав не без труда отсоединил ключ от магнита и, подойдя к решетке, вставил его в замочную скважину. Два поворота, и дверь в решетке со скрипом открылась.

– Ух ты! – восхитился Красовский, начинавший чувствовать вкус к этой игре. – Мы сделали это, мы выбрались из камеры!

– А связка ключей, похоже, бестолковая, – предположил Крячко, продолжая рассматривать добычу. – Тут все ключи от английских замков, плоские. И ни одной двери с таким замком. Я полагаю, что теперь надо искать ключ от следующей двери.

Гуров подошел к двери, которая вела из комнаты охраны в следующее помещение, и присмотрелся к ней. Судя по ее состоянию, ее вообще никогда не открывали. Он опустился на корточки и осмотрел нижнюю часть дверного полотна. Удивительно, но оно стояло просто на полу, без всяких порогов. Если дверная коробка и имелась, то только по бокам и сверху, но она была скрыта наличниками. Снизу дверь так плотно прилегала к бетонной стяжке пола, что, открываясь, неизбежно бы задевала и оставляла следы либо на цементе, либо обдиралась нижняя часть самого дверного полотна. Ничего подобного Лев на полу или на нижней части дверного полотна не увидел.

– Об этой двери забудьте, – сказал он. – Это муляж, а не дверь.

– Как и окно в камере, – подхватил Крячко. – Тогда где же выход?

– Я думаю, что так просто и не должно быть, – пожал плечами Лев и позвал Красовского: – Архитектор, что скажете об этом помещении?

– Трудно сказать что-то определенное, – вышел из задумчивости Красовский и стал озираться по сторонам. Ему игра явно нравилась. – Одно ясно – помещение подвергалось перепланировке. Вон видны плохо заделанные следы легких каркасных перегородок. А стены все сделаны из кирпича, определить, какая из них несущая, а какая нет, я не смогу.

– Я смогу, – сказал Гуров. – Вспомните здание, в которое мы вошли. Оно узкое. Судя по следам перегородок, помещения здесь нарезались вдоль здания, а теперь эти две комнаты, разделенные решеткой, выделены поперек. Вот тут была комната, а здесь, видимо, проходной

коридор через все здание. Таким образом стена камеры, на которой изображено окно, и стена, на которой прилепили вот эту дверь, капитальные. Это внешние стены здания. За ними ничего нет, только улица. И путь у нас может быть или налево, или направо. Где, собственно, дверей и нет.

— Ох, не вовремя я сегодня упомянул про люки в полу, — засмеялся Стас, хлопая по карманам шинели, висевшей на вешалке. — Это, я думаю, интерьер. А вот маленький сейф, прикрученный к стене, заперт не случайно. В нем что-то полезное для нас быть должно.

Гуров тем временем подошел к старинному письменному столу с суконным верхом и выдвинул верхний ящик. Пыль, старые скрепки, несколько кнопок, пуговица... от шинели. Зачем здесь пуговица? Случайно или нет? По простой логике игры тут случайного быть не должно или должно быть очень мало. Скорее для того, чтобы сбить с толку. Шинель по замыслу принадлежит охране, если пуговица в столе, значит, здесь должна быть и подсказка. Это намек.

Он вытащил верхний ящик и заглянул в нишу. Ничего. Сунул руку внутрь и провел по пыльным поверхностям. Ничего. Открыл боковую дверку стола, стал выдвигать ящики. Один пустой, второй пустой... И тут Гуров увидел, что третий, самый нижний ящик не входит до конца в стол. Потолкал его рукой и понял, что ящику что-то мешает. Вытащив его совсем, он присел на корточки и посмотрел в освободившееся от выдвижных ящиков пространство стола. Там лежал ключ. Обычный, с двумя «бородками», только большой. И «бородки» были широкими, со сложными вырезами.

— Я думаю, что это как раз от сейфа, — доставая ключ, сказал Лев и поднялся на ноги.

— Ух ты! — восхитился архитектор и с уважением посмотрел на него.

— Точно, — согласно кивнул Крячко, взял у Гурова ключ и подошел к сейфу. — Надеюсь, внутри нас не ждут сюрпризы со вспышками, локальными мини-взрывами или ядовитыми змеями.

Гуров и Красовский замерли за спиной Крячко. Действительно, сейф у каждого из них ассоциировался с чем-то важным, что в нем обычно хранится. Естественно, что и в данной ситуации наличие сейфа наводило на те же мысли и вселяло определенные надежды. Крячко открыл сейф двумя поворотами ключа, пренебрежительно хмыкнув. Самый обыкновенный сейф. А если уж быть точным, это изделие называется и не сейф вовсе, а несгораемый шкаф.

На двух пустых полках было пыльно и тоскливо, как после спешной эвакуации. Две рожевые скрепки, одна гнутая кнопка. Верхнее отделение с дверкой, или в обиходе денежное отделение, было открыто, внутри что-то лежало. Сунув руку внутрь, Станислав пошарил там и вытащил пластиковую коробочку с кнопкой и стеклом на одной боковой стороне. Щелчок, и на стенке сейфа появилось пятно голубоватого света.

— Знакомая машинка, — сказал он, включая и выключая прибор.

— А что это? — Красовский с интересом посматривал на сырцов и на прибор в руке Крячко.

— Это ультрафиолетовый детектор, — пояснил Гуров. — Такими проверяют подлинность денежных купюр, например. Есть детекторы с определенной длиной волны, которые помогают прямо на месте определить, является ли пятно на полу или на одежде кровью. Интересно, для чего нам эту штуку здесь подбросили?

— Архитектор, у тебя нет в кармане фальшивых долларовых купюр? — спросил Крячко с самым серьезным видом.

— У меня? — не понял Красовский. — Простите?

— Шутит он, — задумчиво проговорил Гуров, беря из рук Крячко детектор. — Если есть такая машинка, значит, есть и предмет, который ею можно осветить. А из бумажек у нас была только единственная записка со словом «магнит». Ну-ка, где она?

Крячко вытащил бумажку из кармана и протянул напарнику. Гуров положил записку на стол, разгладил рукой и осветил сначала ту сторону, где было написано «магнит». Никаких

надписей не проявилось. Затем он перевернул листок и снова положил на стол. Теперь в голубоватых лучах света четко стали видны линии и какие-то символы.

– Ого! – не удержался от восхищенного возгласа Красовский.

– Вот это уже интересно, – потер руки Станислав и склонился вместе с Гуровым над листком бумаги. – Это же план наших двух комнат. Даже кровать и стол охраны с сейфом показаны. Что еще там есть?

– Там есть какая-то ниша или небольшая комната размером с квадратный метр, – постучал пальцем по плану Гуров. – И где-то вот за этим шкафом в комнате охраны.

– Это туалет! – оживился архитектор. – По размерам и по своему расположению в стороне от окна, как раз в том месте, где проходят вентиляционные каналы. Санузлы всегда в планировке тяготеют к вентканалам и стоякам воды и канализации.

– Типун тебе на язык, – буркнул Крячко. – Я по вентканалу не полезу. Хотя не зря его тут обозначили, это все же подсказка, и проверить надо.

– Проверяйте, – продолжая задумчиво рассматривать план, проговорил Лев. – Что-то тут еще должно быть.

Крячко и Красовский возились возле шкафа, переговариваясь вполголоса. Сыщик называл архитектора косоруким за то, что тот прищемил ему палец шкафом, который они принялись отодвигать. Красовский вежливо доказывал, что он не виноват. Потом они оба замолчали и принялись чем-то скрести по дереву.

– Что там у вас? – спросил Гуров, не поднимая головы от схемы. – Нашли вход в эту нишу?

– Практически нашли, – заявил архитектор, – только ниша закрыта деревянным щитом, а не фанерочкой. И чтобы его снять, нужна хорошая отвертка с плоским жалом. Где они такие шурупы-то взяли? Может, по шинелям снова пошарить?

– Подождите! Идите-ка сюда, – позвал Гуров.

Когда Крячко и Красовский подошли, он показал на схематическое изображение кровати, выполненной, как и вся схема, в аксонометрической проекции. Затем достал из кармана авторучку и кончиком указал на одну из ножек нарисованной кровати:

– Смотрите, ребята! Вам не кажется, что одна ножка у кровати толще нарисована?

– Кажется, все одинаковые, – посмотрев на кровать, ответил Красовский.

– Э, нет, дружочек, – покачал головой Крячко, сразу догадавшийся, что имел в виду Гуров. – Тут речь идет совсем о другом. Не в толщине дело, а в том, что ее на схеме выделили из других. Правая у изголовья, говоришь, Лев?

Они вернулись в камеру, и Крячко взялся решительно двигать кровать. Развернув ее поперек комнаты, он присел на корточки возле ножек у изголовья, постучал по ним костяшками пальцев. Подумав немного, встал и просто поднял кровать с одной стороны. Из правой ножки выпала и покатилась по каменному полу большая отвертка с треснутой деревянной ручкой и плоским широким жалом.

– Вот так вот, – довольно констатировал Станислав и поднял отвертку. – Снова мы на шаг ближе к разгадке. Как, Ваня, нравится игра?

Похлопав архитектора по плечу, он прошел в комнату охраны и принял деловито вывинчивать большие шурупы из деревянного щита за шкафом. Гуров мельком глянул на часы. Пока они проходили квест с приличной скоростью и практически без заминок. Весь квест должен был пройден за два часа, а они за пятнадцать минут и вторую комнату открыли, и потайную комнату какую-то уже открывают. Правда, маловата комната для серьезного сюрприза, но время есть. Ох, Стас, втянул его в эти игрища. Не хватало еще, чтобы Орлов узнал, чем они со Станиславом занимаются в свободное время.

– Ну-ка, мужики, – позвал Крячко, – придержите щит. Мне два шурупа осталось вывернуть.

Гуров и Красовский подошли, прижали щит и, когда Крячко закончил вывинчивать шурупы, отвалили его от стены. Проем оказался удивительно похожим на старый дверной, из которого давно уже вытащили дверной блок. Шкаф немного закрывал свет от пыльной лампочки под потолком, но было хорошо видно, что это бывший туалет. У дальней стены чугунная канализационная труба, обрезанные трубы на уровне следа от раковины. А посреди этой тесной комнатушки, вмещавшей в прошлые времена лишь унитаз и раковину, стоял большой деревянный ящик. Судя по конструкции и полуистертym эмблемам и надписям, а особенно по характерной зеленой краске, ящик был в прошлом из военного ведомства, и в нем когда-то хранились или перевозились какие-то ли бомбы, то ли снаряды большого калибра.

– Ну вот, – кивнул на ящик Лев. – Я полагаю, что у нас теперь много отгадок будет, много предметов, о которых стоит поразмышлять.

– Если он не пустой, конечно, – хмыкнул Крячко, поигрывая отверткой. – А то ведь просто просится такая вот подлянка для играющих. Я бы обязательно на месте организаторов подсунул такой аппетитный, но абсолютно бестолковый предмет. Только вот…

– Что? – спросил Гуров и стал принюхиваться.

Красовский, стоявший к ящику ближе всех и уже достаточно распаленный игрой, шагнул вперед, наклонился, поднял крышку, державшуюся на двух боковых петлях, и тут же отпрянул с таким визгливым воплем, что сыщики первым делом бросились осматривать самого архитектора, не укусило ли его что-то неведомое в ящике. Но Красовский был цел, только очень бледен, и губы у него посинели. Крячко поступил просто, он встряхнул архитектора так, что у того лязгнули зубы и хрустнули кости. Красовский ойкнул, и взгляд его стал более осмысленным.

– Там… там человек, – прохрипел он, судорожно сглатывая слону.

Станислав подошел к ящику и поднял выпавшую из рук Красовского крышку. При слабом освещении все равно было хорошо видно, что в ящике, скорчившись, лежит человеческое тело. Лежит на правом боку, чуть повернувшись на живот. А из-под левой лопатки торчит рукоятка обычного кухонного ножа. Сыщики слишком долго проработали в уголовном розыске, чтобы с первого взгляда не понять, что в ящике труп.

– Теперь понятно, – вздохнул Крячко, – откуда этот запах крови. Причем свежей. Доигрались!

Гуров вытолкнул Красовского, у которого подгибались ноги, в большую комнату и усадил на стул. Затем поднял голову в поисках объективов камер и громко крикнул:

– Администрация! Организаторы, кто там есть, черт вас возьми! Бегом сюда!

Кажется, наблюдатели поняли, что дела обстоят не очень хорошо. Железная дверь со страшным скрипом открылась, и в игровую зону вбежали трое молодых мужчин. Один, видимо, был медиком, потому что в руках он держал небольшой чемоданчик с красным крестом на крышке. Все трое бросились к Красовскому, но Гуров схватил за рукав одного из мужчин с модной небритостью на лице и рывком остановил:

– Кто у вас здесь сейчас самый главный?

– Мужчина, успокойтесь, – вяло улыбнулся небритый. – Если хотите прекратить игру, то скажите. Мы вас сразу выведем отсюда, а насчет этого, – кивнул он на Красовского, – то вас предупреждали, что возможны сильные впечатления. И если кто-то из вас в себе не уверен, то…

– Вы тут совсем с ума все походили! – рявкнул Гуров и тряхнул мужчину за грудки. – У вас там в ящике труп лежит. Это, по-вашему, острые ощущения?

– Что? – Небритый рассмеялся и покосился на своих коллег, доктор в ответ понимающе покивал головой и заговорил:

– Мужики, успокойтесь. Там лежит всего лишь аниматор, актер. Влад! Подай голос! А еще лучше, просто выйди к нам сюда. Игра все равно уже окончена.

— Он не подаст, — отрицательно покачал головой Крячко. — Из него столько крови вытекло, что он рад был бы, но не смог выжить.

Гуров, окончательно разозлившись, вытащил из кармана удостоверение и развернул его перед носом небритого. Дождавшись, когда тот изучит документ и смысл его уляжется в голове, он снова спросил:

— Кто сейчас старший есть в здании из вашей фирмы?

Все трое представителей администрации вдруг стали серьезными, переглянулись и как по команде уставились в ту сторону, где за шкафом была вскрыта ниша с ящиком. Гуров смотрел на них, а нос щекотал запах крови. Этот запах был хорошо знаком обоим сыщикам, и оба его сразу почувствовали, войдя в комнату с ящиком. Крови было много, гораздо больше, чем могло бы вытечь из человека, если бы в него просто воткнули кухонный нож. Много крови бывает из поврежденных внутренних органов, сосудов или если орудие убийства в ране прорвавшись после нанесения смертельного удара. Есть такая манера у тех, кому приходилось часто убивать людей. Этим способом часто пользуются в боевой обстановке бойцы спецподразделений. Когда дело доходит до рукопашной схватки, времени нет на то, чтобы расчетливо нанести удар в желаемую точку тела противника, поэтому его наносят обычно в ту точку, которая на тот момент оказывается открытой. Жестоко, но оправданно.

Это были первые выводы, которые машинально сделал Гуров. Правда, умеют такие удары наносить и матерые уголовники. Но это уже чистая жестокость, желание заставить человека помучиться перед смертью. А теперь надо сделать самое главное, понимал сынник, обезопасить место преступления, сохранить следы, которые еще можно сохранить, ограничить доступ в здание, задержать до приезда опергруппы всех, кто в нем находился до настоящего момента. Ведь среди этих людей могли быть не только важные свидетели, но и убийца. Или убийцы! А для этого необходимо максимально изолировать людей друг от друга.

И началась работа. Заперли двери в помещения самого квеста, собрали в одном холле первого этажа всех сотрудников, которых оказалось, к счастью, всего пятеро, включая бухгалтера, приехавшую подписать у управляющего документы, и охранника. Нашлись еще четыре комнаты, куда можно было поместить каждого из сотрудников до приезда следователя и криминалистов. И тут же выяснилось, что единственная входная дверь была не заперта.

Красовский сидел на мягком пуфике, зажав голову руками. Кажется, его немного отпустило, и он ударился во внутренние терзания. Ну, это подождет, решил Гуров, хорошо, хоть без «Скорой помощи» обошлось. Он подошел к кабинету, в котором сидел менеджер проекта Агапов, и распахнул дверь. Небритый молодой мужчина курил, хмуро стряхивая пепел в блюдце, хотя неподалеку имелась чистая пепельница. Лев отметил этот момент — плюсик в пользу Агапова. Явно в шоке и некоторой прострации, значит, не имеет отношения к преступлению. Хотя всегда остается шанс встретить человека с талантом актера, который это состояние просто разыгрывает.

— У вас вон пепельница рядом, — кивнул Гуров, усаживаясь в кресло напротив стола менеджера.

— Что? — непонимающе посмотрел на него Агапов. — Какая разница...

— Для меня никакой, — усмехнулся Лев, — вам потом из нее бутерброда есть придется. Ну, да не в этом дело. Кто этот парень в ящике?

— Труп, — зло поморщился Агапов и раздавил окурок в блюдце с таким видом, словно давил клопа. — Вы же сами сказали!

— Держи свои нервы в руках, — посоветовал сынник. — Ты руководитель, организатор, ты лицо, ответственное за деятельность своего подразделения. Нельзя так распускаться.

— Вот спасибо, что про ответственность напомнили. А то я по причине своего инфантизма как-то забыл про нее. Ладно, все! — Агапов с силой потер руками лицо и сказал себе вслух: — Успокоился и взял себя в руки!

– Молодец! – оценил Гуров. – Тогда займемся делом. Кто этот парень, который лежит там с ножом в спине?

– Аниматор. Владик Левкин. Актер, нанятый, чтобы изображать труп. В других квестах он изображал зомби, привидение и другую мурку. Короче, создавал определенную психологическую атмосферу.

– Давно с ним работаете?

– Да год примерно. Бред какой-то! Кому он помешал? За что его могли убить?

– Важные вопросы. Но вы сначала расскажите про этого Левкина.

– А что про него рассказывать? Нормальный парень, студент актерского факультета театрального института. Веселый, беззлобный, неконфликтный.

– То есть у работников вашего предприятия убивать его причин не было. Тогда, может, конкуренты, может, вы кому-то отказали и отдали эту работу Левкину, а конкурент его решил убить?

– Послушайте, – с недоумением посмотрел на Гурова Агапов, – вы вроде бы полковником представились, а говорите… простите, как начинающий лейтенант какой-то. Убивать из-за такой фигни? Да если бы и стали, то не здесь и не так! В каком-нибудь пивном баре, в парке, я не знаю, в клубе. Когда поспорили, поссорились, в пылу пьяного угаря.

– Ну, вот вы и начали нормально и профессионально мыслить, – улыбнулся Лев. – Кто и каким образом мог умудриться провернуть такое замысловатое убийство? В данном случае причина – дело второе, первое – возможность! Согласитесь, что постороннему это сделать сложно, почти невозможно, а работнику вашего предприятия легче легкого. Его ведь убили, положили в ящик, потом посадили на шурупы деревянный щит, заперли все двери и запустили нас.

– Не так все, – покачал головой менеджер, – его там никто не запирал. Он поднялся с нижнего этажа по стремянке через люк в полу. В смысле, что люк в полу старого санузла, где ящик стоит, а на первом этаже это люк в потолке. Он просто скрыт потолочным растровым светильником.

И тут Агапов как-то странно замолчал, глядя перед собой и покусывая нижнюю губу. Гуров сразу отметил это состояние внезапно нахлынувшей задумчивости. Парень явно что-то внезапно вспомнил или осознал. Он постучал костяшками пальцев по столу, привлекая к себе внимание:

– Николай! Я здесь! Ау, очнитесь!

– А? – Агапов поднял глаза на сыщика и кивнул. – Да я просто сейчас подумал… Может, это его друг, с которым они сегодня вечером пришли.

– А вот с этого места, пожалуйста, подробнее, – предложил Гуров и полез в карман за блокнотом и авторучкой.

– Влад пришел сегодня раньше на полчаса, – потирая щетину на щеке, начал Агапов. – Пришел с каким-то другом-актером. Обычно кто-то из нас помогал Левкину забираться наверх, а уж там он сам гримировался, поливался краской, имитирующей кровь. Влад давно уже у нас работает, дело свое знает. Ну, полезли они вдвоем наверх. Оттуда он связался по рации. – Агапов вытащил из кармана и положил на стол дешевую простенькую радиоустановку с маленьким радиусом действия. – Мы такие часто используем при подготовке и проведении квестов. Сказал, что готов, а тут вы приехали. Ну… потом произошло что-то неладное, мы и предполагать не могли…

– Дверь внизу кто за нами запер, когда мы вошли в здание?

– Дверь? Охранник, Сергеич. Смирнов Олег Сергеевич. Потом мы с вами коротко переговорили, вы подтвердили, что участвуете, и пошли все наверх.

– Внизу никого не осталось?

— Да... — Агапов замялся и пожал плечами. — Как-то большой необходимости в том не было. По нашим правилам, до того момента, как вы вошли в игровую зону и началась игра, охранник должен быть рядом с игровой зоной, потом... Потом он в принципе свободен. Наверное, пошел чайку выпить. Нет необходимости дежурить внизу.

— Ладно, это я понял, — делая пометки в блокноте, сказал Гуров. — Теперь опишите друга, с которым пришел Левкин.

— Вы тоже думаете, что это он? — настороженно и даже чуть понизив голос, спросил Агапов.

— Подозревать этого человека у меня столько же оснований, сколько любого из вас, — спокойно ответил сыщик.

— Но у нас нет мотивов для убийства Левкина!

— А у его друга? Вы что-то знаете о его мотивах? То-то же. Я вот тоже ничего не знаю ни о ваших мотивах, ни о мотивах того человека. Итак, опишите его.

— Да описывать-то особенно нечего, — вздохнул менеджер. — Я не приглядывался. Невысокий, худой. Нос у него такой... хрящеватый, что ли, костиный такой нос. Борода дурацкая. Неопрятная. Я еще подумал, что творческие люди, наверное, в большинстве своем не очень любят за собой следить. А может, просто не стремятся. Очки еще, с чуть затемненными стеклами. Думаю, это дань моде, мне показалось, что они ничего не увеличивают. Одет в старые потертые джинсы, футболка серая, вытянутая.

— А сколько на вид ему лет?

— Сколько... лет? — задумался Агапов. — М-да. Сложный вопрос. Не парень, конечно, не двадцать и не двадцать пять. Может, тридцать... пять, может, и больше. Короче, неопределенный какой-то возраст. Боюсь сбить вас своими предположениями.

Когда приехала оперативно-следственная группа, Гуров и Крячко дописывали рапорты, в которых излагали причины своего участия во всем произошедшем и основную хронологию событий. Передав следователю бумаги, а дежурному оперу из МУРа, приехавшему с группой, результаты своих наблюдений и свои выводы, сыщики вышли наконец на улицу под ночное московское небо.

— Эх, на звезды бы посмотреть, — вздохнул Крячко, задрав голову вверх. — Только не видно их в Москве ночью. А как все хорошо начиналось. Весело, нестандартно, было бы что вспомнить потом, а теперь...

— И теперь будет что вспомнить, — перебил его Гуров. — Хорошо, что мы с тобой на месте оказались, а то бы эти деятели накрутили бы тут, следы затоптали бы. Ты этого Морозова знаешь, который с бригадой приехал?

— Морозов в МУРе третий год, — кивнул Крячко, идя к машине. — Я его туда рекомендовал в свое время. Он перешел из Северо-Западного округа. На тот момент слыл толковым оперативником, принципиальным.

— Ну и хорошо, — усаживаясь рядом с Крячко в машину, заметил Лев. — Значит, помогли мы капитану Морозову.

Телефон зазвонил неожиданно, но Гуров даже обрадовался звонку. Ему было как-то не по себе, когда телефон долго молчал, это казалось ненормальным. Странно, но номер абонента был ему незнаком.

— Слушаю, Гуров, — отозвался сынок в трубку.

— Товарищ полковник, это капитан Морозов из МУРа. Хотел поделиться информацией. В ящике под трупом найдены накладная борода и парик. Хорошего качества изделия, из профессионального грима.

— Ну, тогда поздравляю вас, товарищ капитан, — буркнул Гуров. — Не забудьте, что убитый Левкин учился в театральном институте. Не оттуда ли грим и не оттуда ли его «друг», с которым он пришел сегодня на квест?

- Да, спасибо. Я буду иметь в виду эту версию.
- Что там? – не включая скорости, спросил Крячко, прислушивавшийся к разговору напарника.
- Как и следовало ожидать, борода и волосы «друга» были фальшивыми.
- Вот так, – включая скорость и трогаясь, философски заметил Крячко. – Не только бороды, но и друзья зачастую случаются фальшивыми.
- Не будем спешить с выводами.

Глава 3

За все время утренней планерки в понедельник Гуров не поднял глаз на генерала Орлова. Интуиция подсказывала сыщику, что его начальник и старый друг Петр Николаевич все знает об их со Станиславом вчерашней выходке. Крячко, наоборот, смотрел на окружающих со снисходительной усмешкой и был с самого утра активен как никогда. Он ввязывался в обсуждение служебных вопросов, вставлял свое мнение там, где его даже и не спрашивали, начинал разносить в пух и прах ситуации, в которых молодые сотрудники управления показали себя не с лучшей стороны или не с максимальным профессионализмом.

Орлов, казалось, не замечал гиперактивности Крячко и унылого состояния Гурова. Однако, когда планерка закончилась и офицеры стали с шумом подниматься из-за стола и покидать кабинет генерала, он вдруг подошел к Гурову и попросил его и Крячко остаться. Лев вздохнул и снова опустился в кресло, с которого только что встал. Орлов принял ходить по кабинету, что всегда означало состояние сосредоточенности. Или сосредоточенности на каком-то деле, или Орлов просто подбирал слова помягче и поделикатнее, чтобы не обидеть своих друзей.

— Кажется, знает уже, — тихо сказал Крячко. — Сейчас он нам всыплет по первое число.

— Так, — заговорил наконец Орлов с явным неудовольствием в голосе. — Что это там за история с квестом и трупом в гробу?

— Не в гробу, — тут же бросился поправлять Крячко, — а в ящике. Военный ящик от крупнокалиберных боеприпасов.

— Черт бы вас подрал! — процедил Орлов сквозь зубы. Это получилось у него не зло, а скорее устало. — Два великовозрастных шалопая, игры им молодежные, видите ли, нужны, в «Зарницу» решили поиграть. Что это вообще за занятие такое, времяпрепровождение для двух полковников полиции? Вам что, на работе не хватает подвалов, решеток, ржавых цепей и скелетов?

— Так, Петр, — остановил его Гуров, — давай без нервов. Дело обычное, заурядное. И ничего в этом постыдного или предосудительного нет. Я имею в виду само развлечение, а не убийство, конечно. Я тебе сейчас расскажу.

— Да знаю, знаю, — махнул рукой Орлов и уселся в кресло напротив сыщиков. — Навел справки еще утром. И я не говорю, что это неприлично. Каждый волен развлекаться как хочет, если это не идет вразрез с общественной моралью. Но вот вам, полковникам МВД, надо бы поосторожнее себя вести в таких вопросах.

— Никто не предполагал, что все так закончится, — вздохнул Гуров. — Это случайность, что в игре оказались именно мы со Станиславом. Но в какой-то мере и хорошо, потому что, будь на нашем месте другие люди, и оперативно-следственная группа не собрала бы и половины тех доказательств и следов, что для них сохранили мы. Что, министру уже доложили?

— Заместитель министра ждет меня через час по этому вопросу.

— Из-за нас?

— Не уверен, что только из-за вас. Там с вами был архитектор один, Красовский его фамилия. Он человек со связями оказался, и его покровители обеспокоены, не попал ли этот модный в определенных кругах архитектор в число подозреваемых. И если попал, то как его отмазать.

Гуров спокойно, но сжато рассказал Орлову все, что с ними произошло в этом злополучном квесте и что они предприняли, когда обнаружили труп. Особо отметил, что оснований подозревать Красовского нет и быть не может. Орлов хмуро смотрел в стол и крутил карандаш.

— Ну, это понятно. Копии ваших рапортов у меня на столе.

— Тогда зачем понадобилось снова нас расспрашивать? — возмутился Лев.

– Затем, что живая речь дает больше, чем буквы на бумаге, – равнодушно отозвался Орлов, вставая и отходя к своему рабочему столу. – Ты этого не знал? Кто там в МУРе занимается этим делом?

– Вчера с группой приезжал капитан Морозов, а кому отписали сегодня, неизвестно, – ответил Крячко.

– Что собой этот Морозов представляет? Кто-нибудь его знает?

– Станислав уверяет, что это толковый опер.

– Это хорошо, – кивнул Орлов и уселся набирать номер на телефоне.

Он звонил в МУР, и Гуров сразу понял зачем. Помимо того, что он узнает о ходе расследования этого убийства, он еще распорядится, чтобы дело оставили именно за капитаном Морозовым. Это всегда полезно, когда человек, занимающийся преступлением, сам побывал вместе с оперативно-следственной группой на месте событий, своими глазами видел все до мельчайшего пятнышка, видел положение тела, просто ощущил обстановку на месте. Из вторых рук информация искажается порой очень сильно, а уж что говорить о «вторых» и «третьих» руках. Наконец Орлов закончил разговор, сделал себе еще несколько пометок на листе бумаги и задумчиво поднял глаза на сыщиков:

– Ну, в принципе там работа ведется нормально. План работы реальный, силы подключены нужные. А вам мне придется объявлять поощрение в приказе.

– Упс! – засмеялся Крячко. – Это что же! Только что возил нас фейсами об тейбл, и вдруг…

– А ты учись, Станислав, учись, – улыбнулся наконец генерал. – Вот заставит тебя судьба переключиться на руководящую и административную работу, и ты мои уроки вспомнишь. Отправляйтесь-ка оба к себе и садитесь за рапорты. Основные ключевые слова и понятия, которыми должны пестрить ваши писаницы, – это мой устный приказ о проведении проверок распространявшихся по Москве странных игр под названием «квесты» на предмет выявления потенциальной угрозы для молодежи, роста криминала и тому подобное. Основную идею поняли? Вы там были по работе, а не развлекались, потому что одного жена попросила, а второй не смог отказать мужу смазливой актриски.

– Очень смешно, – проворчал Крячко, выбинаясь из-за стола. – Когда это я увлекался замужними женщинами?

* * *

Мария Строева за время репетиции ловила на себе взгляды Ани Красовской раз двадцать. Это мешало репетиции, сбивало ее. В конечном итоге Мария решила просто не смотреть в сторону подруги. Понемногу она снова стала втягиваться в роль, и события позавчерашней ночи отошли на второй план. Аня Красовская всегда была дамой невыдержанной и несколько избалованной вниманием и в понедельник утром наговорила Строевой столько неприятного, что Мария просто повернулась и отошла от нее. Разговаривать в подобном тоне она не хотела. И вот теперь, судя по взглядам, Красовская искала пути к примирению. Ну, и пусть помучается, думала Маша.

Аня ждала ее в пустом прохладном вестибюле. И как только каблучки Марии застучали по ступеням лестницы, она кинулась навстречу подруге и затараторила:

– Машенька, ну, прости меня, ну, прости! Я дура вспыльчивая, я импульсивная, ты же знаешь! Ну, не сердись, Машенька!

– Аня, перестань! – поморщилась Мария. – Что ты как школьница, в самом деле?

– Машенька, мне просто страшно неудобно из-за того, что я втянула твоего мужа в эту дурацкую историю. Ну, откуда я могла знать, что там все так повернется? Это ужасное убийство! Жуть какая! Ваня вернулся домой под утро, на нем лица не было. Ты себе не представляешь?

ешь! Ужасное тело, кровь, потом ночь в полиции, допросы. Может быть, его даже подозревают. Только ведь об этом никто не скажет, правда?

Последний вопрос явно не был риторическим. Да и все интонации, суетливое поведение Красовской говорили сами за себя. Уж Аню Мария Строева знала хорошо, как-никак близкая подруга. Но сердиться на нее Маша не могла. Да, Аня была источником этой жуткой ситуации, она притащила откуда-то эти подарочные сертификаты на прохождение квеста. Но ведь она не имела отношения к убийству и знать про него не могла.

Маша вздохнула, подумав, что для ее мужа и Станислава обнаружение трупа – дело обычное. Они всю жизнь их обнаруживают, сталкиваются с ними. Но все же неприятно, когда испорчен отдых, когда вечер, который можно было бы провести в более приятной обстановке, вдруг превращается в очередное расследование. Хотя...

– Машенька, милая, расскажи, как там обстановка. – Анна схватила подругу за локоть и подвела ее к пустому гардеробу.

– Анька, ну я откуда могу знать? – ответила Мария.

– Как откуда? – Красовская сделала большущие глаза. – У тебя муж полковник! Он же тебе что-то рассказывал, ты же его расспрашивала?

– Нет, – отрицательно покачала головой Строева.

– Как не расспрашивала? – ошеломленно уставилась на подругу Красовская. – Тут ведь... это же...

Она явно потеряла дар речи оттого, что ее подруга оказалась такой нелюбопытной, да еще в такой неподходящий момент. Или же говорила неправду, выведала все у мужа, а теперь набивала цену. Маша снисходительно посмотрела на Красовскую, взяла в руку ее ладонь и заговорила с интонациями, с которыми разговаривают с маленькими капризными девочками:

– Анечка, ты пойми, мне совсем не хочется лезть в дела мужа. Я беспокоюсь за него, я волнуюсь, когда его нет дома ночами или когда он уезжает в командировки, но расспрашивать... Не принято у нас это. Если ему нужно, он рассказывает, делится. И потом, дома ему хочется отдохнуть от всего того, чем он занят буквально сутками. А тут я еще не дам ему своими расспросами расслабиться.

– Ну, – разочарованно выпятила губку Анна, – это дело хоть ему поручили?

– Аня, ты совсем ничего не понимаешь в этих делах. Мой муж работает в министерстве, ему никаких таких дел не поручают. Курировать он может, проверять может, но сам ничего не ведет. Для этого есть территориальные органы полиции. В данном случае, если я не ошибаюсь, дело передали в ГУВД Москвы, в МУР. Это убийство, это особо тяжкое преступление, и им занимаются в МУРе.

– Машунь, – Красовская жалобно посмотрела на подругу, – ты хоть спроси у Льва Ивановича, мой муж, он как... Для него это чем-то грозит?

– Ничем не грозит, глупая! – засмеялась Мария. – Он-то здесь при чем? Он даже не свидетель, потому что преступление совершено раньше, чем они туда вошли. Они просто обнаружили тело, и все. Я не понимаю, почему ты волнуешься, Аня? У твоего Ивана столько высокопоставленных покровителей, у него заказчики с такими регалиями, что достаточно одного звонка, и все разжуют и на блюдечке подадут.

– Он мне тоже ничего не рассказывает, – вздохнула Красовская.

* * *

То, что немного улеглось в душе с того злополучного вечера, снова всплыло, заставив где-то внутри ныть и болеть, как дырявый зуб. Мария ехала домой, на душе у нее было очень тревожно. Тревожно и страшно от того, что в городе вот так запросто могут убить человека. И не просто на улице или в темной подворотне, а во время игры в местечке, куда приходят люди,

где, кажется, все хорошо организовано. Казалось, что злодеи, затаившиеся в ночной Москве, всемогущи, что им нет преград и они могут все.

Что я себя мучаю, пыталась восстановить душевное равновесие Мария, Гуров разберется. Если дело на контроле в МВД, то его раскроют. Рядом Станислав, у них есть Петр, а он ведь генерал. Ребята все сделают как надо, они разберутся, защитят, они обязательно найдут убийцу, и все будет хорошо. Это просто от усталости нервы расходились. Я же актриса, успокаивала она себя, у меня слишком эмоциональная профессия, вот и устаю.

К дому Мария подходила уже почти спокойной, но напряжение снова сдавило ее безжалостными тисками, когда она подошла к подъезду. Только что подъехавшая полицейская машина стояла напротив, несколько зевак наблюдали, как полицейские открывают двери старенькой запыленной «Хонды». Мария замедлила шаг, потом остановилась как вкопанная. На переднем сиденье лежало тело женщины в нелепом ярком маскарадном наряде. Женщина была мертва, это Мария поняла сразу. Что-то неуловимо отличает труп от пьяного, спящего или человека, просто находящегося в бессознательном состоянии. Непромытое, почти коричневое лицо выдавало в женщине алкоголичку. Полицейские просили отойти посторонних, возле машины молодой лейтенант разговаривал с кем-то по рации. Говорили о том, что машина числился с самого утра в угоне.

А возле «Хонды» эксперты щелкали фотоаппаратом, что-то осматривали, приседая на kortочки. Потом, расстелив полиэтилен, стали вытаскивать труп женщины. Он выглядел как тряпичная кукла. Руки и ноги свисали и все время цеплялись за машину и сиденье. Нелепый костюм еще больше увеличивал сходство тела с куклой.

– Маша, что ты тут стоишь? – послышался рядом такой родной голос. Гуров обнял жену за плечи и поднял за подбородок ее лицо вверх. – Зачем тебе смотреть на это? Иди домой, я скоро тоже поднимусь.

– Ты здесь? – не столько удивленно, сколько с радостью в голосе спросила Мария. – Почему?

– Мне позвонил дежурный по городу. Возле нашего подъезда… вот я и решил приехать. Иди, Машенька, я скоро!

Мария кивнула и направилась к подъезду. Гуров проводил ее взглядом, потом подошел к оперативнику:

– Ну, что у вас есть?

– Пока мало, товарищ полковник, зато нелепость на нелепости.

– В каком смысле? Поясните.

– Эту женщину опознал местный участковый. Алкоголичка, квартиру имеет, но предпочтет бомжевать. Мы отправили отпечатки ее пальцев, скоро получим ответ. Она имеет судимость, и через час у нас будет основание считать, что личность убитой установлена.

– А машина?

– Машина в угоне. Хозяин живет на Шаболовке. Заявление об угоне поступило сегодня в половине девятого утра. Свидетелей уже опрашиваем. И здесь, и на Шаболовке начали поквартирный обход, снимаем данные с камер видеонаблюдения.

– Хорошо, работайте, – кивнул Гуров и отошел к своему подъезду.

Он взглянул на машину и суетящихся криминалистов со стороны. Действительно, что за нелепость – подогнать угнанную машину к элитному, в общем-то, дому. И не просто машину, а усадить в нее труп бомжихи в клоунском наряде. Нелепость? Или преступники захотели привлечь чье-то внимание? Слишком уж все нарочито, броско. Похоже на то, что действительно хотели привлечь внимание. Осталось выяснить, чье именно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.